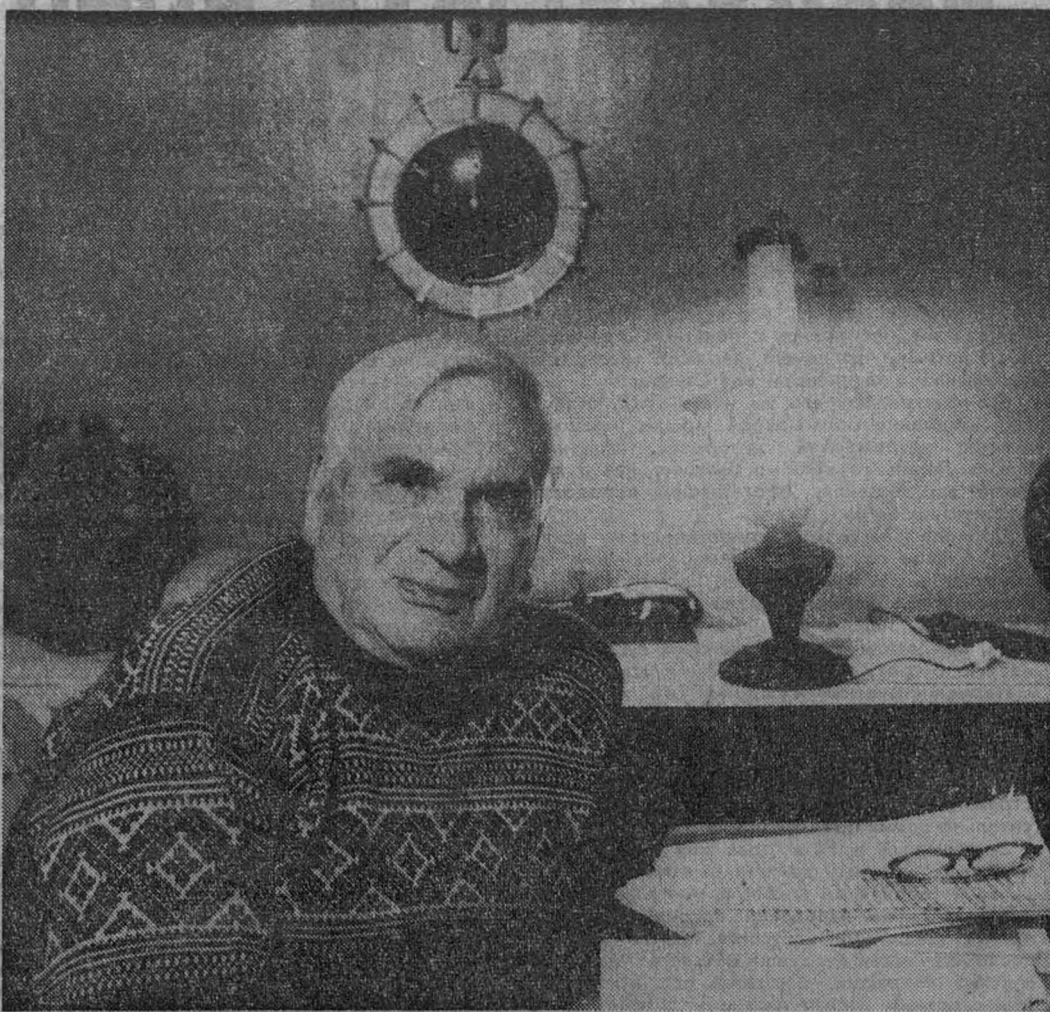

люди искусства

ТАКОВ ОН, НАШ СОВРЕМЕННИК

Марк ТОРЧИНСКИЙ

О выдающемся советском сценаристе Евгении Иосифовиче Габриловиче за его долгую жизнь в кинематографе сказано, видимо, немало. Но и не так уж много, во всяком случае далеко не все.

Один из парадоксов судьбы кинодраматурга, даже такого, как Евгений Габрилович, состоит в том, что его чисто внешняя популярность по сравнению с актерской буквально ничтожна. Вот, к примеру, недавно в город, где волею случая мы оказались вместе с Евгением Иосифовичем, приехала большая группа киноактеров. Их узнавали на каждом шагу: просили автографы, восхищенно оглядывались вслед, обсуждали их наряды и прически, вспоминали сыгранные роли. И никто ни разу не воскликнул: посмотрите, вот автор «Последней ночи» и «Машеньки», «Двух бойцов» и «Мечты», «Урока жизни» и «Ленина в Польше», «Коммуниста» и «Твоего современника», «В огне брода нет» и «Начала»...

А через несколько дней сам автор позвонил в местную контору кинопроката и, представившись, робко поинтересовался, пришла ли в город его последняя картина. И если да, то когда и где ее можно будет увидеть. Руководитель учреждения, призванного продвигать на экраны фильмы, а лучшие из них всячески пропагандировать, трижды переспрашивал фамилию Габриловича, но так, по-моему, и не понял, с кем говорил, потому что был крайне сух и раздражителен.

Или еще случай, относящийся, правда, к временам давно прошедшим, но не потерявший от того своей актуальности. Людям, помнящим войну, хорошо известна огромная популярность песен «Темная ночь» и «Шаланды» из «Двух бойцов». Так вот, когда военного корреспондента Габриловича представляли как автора фильма, его восторженно принимали только потому, что считали автором этих песен.

Я говорю обо всем этом вовсе не для того, чтобы истребовать особых почестей для сценаристов или в расчете, что уже завтра на них посыплются лепестки роз и обрушится шквал оваций вперемежку с девичьими вздохами. Отнюдь нет. Но лишь с надеждой привлечь внимание к высокой должности кинодраматурга, чей литературный труд был, есть и надо надеяться, еще долго будет той первоосновой, от которой во многом зависит успех или неудача любого фильма.

У Евгения Иосифовича Габриловича очень часто спрашивают, как родился сюжет того или иного его сценария. Вопросы эти, судя по всему, наскучили ему давным-давно. Но он в силу своей интеллигентности не решается об этом сказать. И в который уже раз с мягкой улыбкой отвечает на них. Но знакомые образы полюбившихся киногероев оказываются чаще всего не похожими на тех людей, которые, по словам драматурга, вызвали их к жизни. И тогда приходится говорить об особенностях творческого мышления, о неожиданных ассоциациях, о том, что совпадение

реального и вымышленного вовсе не обязательно, а скорее даже наоборот.

Но при всем при этом в сценариях Габриловича и люди, и их поступки, и их мысли правдивы и жизненны. Да и как могло быть иначе, если автору довелось на своем веку быть свидетелем стольких больших и малых событий, повидеть и близко познакомиться со столькими людьми, что всего этого с лихвой хватило бы на двоих, а то и на троих. Долгие годы он был газетчиком. Он писал о Сталинградском тракторном, Днепродзержинске, колхозах Кубани, о рыбаках, текстильщиках, поварах, Магнитогорске, врачах, рабочих маяков, Донбассе, Чукотке, балете и переливании крови. Видел Стаханова, Виноградовых, Станиславского, Электросталь, совхозы, товарные склады, родильные дома, лаборатории, художника Александра Герасимова, маршала Тухачевского, философские диспуты и дома инвалидов. Прошел военным корреспондентом всю войну до Берлина и присутствовал при подписании акта о капитуляции милитаристской Японии...

Он уже был журналистом и прозаиком. И лишь потом испробовал свои силы в кинодраматургии. Да так и прирос к ней. Но нет, нет, да и вспоминает иногда в грустинкой о тех далеких годах, когда сегодня не знал, куда забросит его завтра газетная командировка. А перелистывая свои прежние книжки, пишет новые. И теперь, отдавая дань своей первой любви — прозе, заканчивает работу над большой книгой, которую он назвал «Четыре четверти».

Евгений Габрилович издавна и по праву считается мастером кинодиалога. Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать любой из его сценариев или посмотреть фильм, снятый по нему. А ведь в беллетристике того же Габриловича диалоги почти отсутствовали. Но его проза всегда была крепкой, образной, тщательно выписанной. И оттого, придя в кино, он принес с собой собственную манеру создания сценария. Всем своим творчеством утверждал и продолжает утверждать, что «сценарий — это произведение литературы. Это книга, и чтение ее должно доставлять самостоятельное эстетическое удовольствие вне зависимости от фильма, которому сценарий дал жизнь».

Евгений Иосифович верит, что недалеко время, когда по хорошим сценариям будут обязательно сниматься разными режиссерами несколько фильмов, что расширит возможности кино, вдохнет в него дух творческого соревнования, подобный тому, что существует нынче на театре, где пьесу одного автора ставят несколько режиссеров, даже живущих и работающих в одном и том же городе.

Но пока этого нет, и пока режиссер-постановщик является единственным интерпретатором литературного сценария, Габрилович убежден в необходимости тесного сотрудничества между кинодраматургом и режиссером. И практики своего творчества доказы-

вает это, хотя и вызывает небольшое раздражение у инакомыслящих коллег по сценарному цеху, которые считают, что достаточно написать добротный сценарий, а будет ли снимать по нему фильм определенный режиссер, это уже дело десятое.

— Признаюсь по чести, — говорил как-то Евгений Иосифович, — для меня творческая совместимость с режиссером главное всего остального. Именно этим обстоятельством я объясняю успех своих лучших фильмов. Еще когда пишется сценарий, режиссер должен быть рядом. Неважно, будет ли он затем моим формальным соавтором. Главное, чтобы он был им по существу. Знаете, мне как-то везло с режиссерами: Михаил Ромм, Юлий Райзман, Сергей Юткевич — люди моего поколения, столь не похожие друг на друга мастера. Но мы всегда работали вместе. Они помогали, естественно, каждый для своей картины, рождению образов, ситуаций, видели актеров, которым предстояло жить на экране.

Последнее обстоятельство, на мой взгляд, особенно существенно. Ведь все фильмы, снятые по сценариям Габриловича, это актерские фильмы, в которых невозможно затухать никакими фокусами неискренности или недостаток профессионального мастерства.

Кстати, о профессиональном мастерстве. Наличие его у Евгения Иосифовича, причем самой высокой пробы, кажется, и не требует доказательства. Но насколько требователен ко всему, что выходит из-под его пера, сам Габрилович! Все его рассказы, сценарии, книги — это много раз переписанные и правленные им рукописи и гранки. Это утренние часы каждого дня, проводимые за письменным столом. Это неподдающееся учету количество заметок, наблюдений о людских судьбах, больших и малых событиях, находках и потерях, зафиксированных в блокнотах и дневниках. Работоспособность Габриловича достойна восхищения. И когда я намекал ему на это, он ответил мне так:

— Я благодарен судьбе за отсутствие робости перед чистым листом бумаги. Напротив, он призывает меня к работе, к действию...

Легко ранимый, обуреваемый вечными сомнениями по поводу повседневных пустяков, порой до смешного беспомощный в обыденной суете, за рабочим столом писатель, как мне показалось, проживает лучшую часть своей жизни. Потому что вместе со своими героями побеждает и терпит неудачи, любит и разочаровывается, познает подлинную цену дружбы и испытывает горькую чашу предательства, отстаивает высокие идеалы и гибнет за них под пулями зверья в человекем обличье... В том сочиняемом им мире он могуч и всемогущ, там ему подвластны судьбы людские, там он волен казнить или миловать, совершать выбор. Не торопясь и не мучаясь от того, какой транспорт предпочесть: поезд или самолет? И если самолет, то какой рейс, а если поезд — какой вагон, купированный или мягкий? Настоящий мастер, он исподволь лепит характеры,

чтобы затем с полным правом сказать, что в каждом из них живет его собственное мироощущение, а потому он художник, и рожденный им герой — суть одного целого, неразделимого.

Предпосланный этим замечкам заголовок избран мной вовсе не потому, что во многом напоминает название фильма, сделанного Юлием Райзманом по его и Евгения Габриловича сценарию. Он выбран от глубочайшего убеждения в необычайной современности творчества нашего крупнейшего кинодраматурга. Ведь в его произведениях для экрана — вся история нашей страны, от Октября 1917-го до наших дней. Это, если хотите, своеобразная кинолетопись, в которой, правда, отсутствуют гигантские массовки и документальные кинокадры, но зато представлена целая галерея столь не похожих друг на друга людских портретов, сделано столько открытий новых, дотоле еще неизвестных в кинематографе граней человеческих характеров, с таким накалом и внутренней страстью рассказано не о боковых тропках, а о столбовой дорожке нашего общества, что трудно переоценить весомость подобного творческого вклада в сокровищницу отечественного кинематографа.

Фильмы Евгения Габриловича иногда упрекали за некую камерность, отсутствие размаха и гражданственности. Но именно гражданственность в лучшем смысле этого слова присутствует в подавляющем большинстве произведений кинодраматурга. Ведь их главное, я бы сказал, философское начало — нравственные, духовные качества нового человека, а не упрощенные, хотя и масштабные, коллизии. Сценарии Габриловича — прежде всего исследование жизни, художественное осмысление ее процессов, а не констатация общеизвестных истин, порой достаточно ловко прикрываемых режиссерским монтажом, операторскими находками, но оттого не становящихся все же первичными.

Особое место в творчестве Евгения Габриловича занимает работа над образом коммуниста. Иные критики пожелали увидеть в «Коммунисте» будто другого, неизвестного им доселе Габриловича. Но вот что говорит по этому поводу сам Евгений Иосифович: «Мы с Райзманом... сделали, как мне кажется, гражданский, партийный фильм, не отступив ни на мизансцене от принципов, которые мы исповедовали в молодости и которым мы верим и по сей час... Скажу лишь одно: тот, кто возьмет на себя труд просмотреть картины мои и Райзмана, найдет в «Коммунисте» и «Машеньку», и «Последнюю ночь», и «Урок жизни». Найдет он и то, что мы делали каждый отдельно, потому что, вместе или порознь, мы шли в искусстве одним путем».

Последняя фраза очень важна и принципиальна для опытного мастера. Он призывает его постоянно искать новых путей в искусстве. Только на нехоженых тропках, открытых лично тобой, можно достигнуть настоящего успеха... Вот именно такие поиски привели Габриловича к попыткам воссоздать на экране образ Ленина. Причем и в новелле о последней осени вождя, и в фильме «Ленин в Польше» снова нет никаких внешне ошеломляющих атрибутов. Но зато ощущается могучая ленинская мысль, неистребимая вера Ильича в творимое партией дело, в его безусловную победу. И еще: мы узнаем о Ленине нечто такое, чего не знали о нем до сих пор, видим его в ситуациях вроде обыденных, но в то же время и неординарных. И за всем за этим явственно ощущается авторская индивидуальность сценариста.

Совсем недавно завершился новый этап в творческой биографии Евгения Иосифовича Габриловича. Последние годы он сотрудничал с молодыми режиссерами Глебом Панфиловым («В огне брода нет», «Начало») и Ильей Авербахом («Монолого»). И когда я спросил его, с чем это связано, Габрилович ответил:

— Считайте мне своеобразным лирическим отступлением... Ведь общение с молодежью встряхивает организм. А нам, старикам, это иногда крайне необходимо. Ну, а если всерьез, то я ничуть не жалею об эксперименте. И с Панфиловым, и с Авербахом у меня, как выяснилось, существует творческая совместимость. И это главное. А разница в возрасте тут ни при чем.

— Ну и что же дальше? — Дальше, — Евгений Иосифович мягко улыбнулся. — Вот, заканчивая книгу: воспоминания, встречи, наблюдения, записные книжки, театр, кинематограф. Смесь всего. Но это, в сущности, и есть жизнь... А в кино? Думаю вернуться к сотрудничеству со своими испытанными друзьями Юлием Райзманом и Сергеем Юткевичем. Быть может, это будет третья часть «Коммуниста», быть может, новый фильм о Ленине. Хотелось бы сделать и то, и другое. Но работать параллельно я не умею. А время торопит...

Фото Е. Халдея.